
Нұрсат Сейлханов
Цикл
осколков

Нұрсат Сейлханов

Цикл осколков

https://litres.ru/74715554
SelfPub; 2026

Аннотация

Что остаётся от человека, когда мир вокруг рассыпается в прах, а сама смерть оказывается лишь прологом к бесконечному испытанию? Алексейр приходит в Себя в Бесконечном Поле — загадочной первозданной реальности, где рождаются и умирают миры. Чтобы выжить и вырваться из круговорота вечного отчуждения, ему предстоит собрать семь осколков Первого.

За каждый шаг придется платить страшную цену: кровью, памятью, голосом, способностью любить и собственными страхами. По пятам героя следует Тень — его собственная жуткая копия, жаждущая поглотить остатки человечности. Но способна ли даже самая высокая цена остановить того, кто решил дойти до конца? Масштабная философская эпопея о времени, памяти, природе страха и рождении нового мира из пепла старых ошибок.

Нұрсат Сейлханов
Цикл осколков

##Цикл осколков
#Author:Seilkhanov Nursat
#Автор:Сейлханов Нұрсат

Глава 1. Край, которого не было

Он открыл глаза и впервые в жизни увидел небо, которое не было небом.

Оно висело слишком низко, словно кто-то натянул над миром огромное серебряное полотно, гладкое, без единого шва, без солнца, без луны, без звёзд или хотя бы намёка на облака. Свет шёл отовсюду и ниоткуда одновременно: ровный, холодный, без теней. Свет, который не знал источника и потому казался старше самого времени.

Под спиной шевелилась трава. Не качалась, не колыхалась — именно шевелилась, как живое существо, медленно, вдумчиво, будто прислушивалось к биению его сердца. Стебли были высокими, выше пояса, цвета молодой весенней зелени, но с прожилками серебра, будто по ним текла ртуть. Когда он шевельнул рукой, трава ласково обвила запястье,

не сжимая, а словно пробуя на вкус.

Алексей (имя всплыло само, как пузырёк из глубины) попытался сесть. Тело слушалось, хотя казалось чужим: лёгким, будто из него вынули все кости и заменили их светом. Джинсы, свитер, куртка — всё на месте, но покрыто тонким слоем пыли, похожей на пепел. Кровь на ткани засохла тёмными пятнами, однако ран не было. Ни царапины. Только в центре груди теплилась тянущая пустота, будто там вырвали кусок и аккуратно зашили серебряной нитью.

Он встал. Трава под ногами вздохнула — звук не в ушах, а прямо в костях, глубокий, протяжный, как дыхание спящего великана.

— Где я? — спросил он по-русски. Голос прозвучал глухо, словно пространство проглотило эхо.

Ответа не последовало не сразу. Сначала пришло ощущение: кто-то огромный, древний, бесконечно терпеливый повернул к нему своё внимание. Потом — слова, но не произнесённые, а вписанные прямо в мысли, словно чернилами по воде:

Ты там, где нет «где».

Он обернулся. Кругом — поле. Бесконечное. Горизонт не приближался и не удалялся, он просто существовал, как линия, проведённая рукой, которой не нужна была другая сторона листа. Слева трава была изумрудной, справа отливала золотом, дальше — полоса алого, будто кто-то пролил кровь богов и не стал вытирать. Цвета перетекали один в другой плавно, без границ, но никогда не смешивались до конца.

Алексей сделал шаг. Трава расступилась, словно боялась его коснуться. Второй шаг — и след за спиной уже затянулся. Поле не желало хранить отпечатки чужих подошв. Он прошёл ещё десяток метров и остановился, потому что почувствовал: за ним наблюдают. Не глаза — внимание. Такое плотное, что можно было резать ножом.

— Покажись, — сказал он.

Поле ответило не сразу. Сначала изменился запах: к запаху свежескошенной травы прибавилась горечь полыни и что-то металлическое, как перед грозой. Потом свет стал чуть теплее, но не уютнее — скорее, как будто кто-то приоткрыл дверь в кузницу, где куют звёзды.

Ты принёс с собой смерть, — сказало Поле. Голос был везде: в земле под ногами, в воздухе, в крови. — Но смерть здесь не приживается. Она превращается в другое.

Алексей опустил взгляд на свои ладони. На правой засохшая кровь начала блестеть, будто в ней проснулось живое серебро. Капли медленно вползали обратно в кожу, оставляя тонкие светящиеся нити под эпидермисом. Он не чувствовал боли — только странное, почти сладкое онемение.

— Кто ты? — спросил он.

Я — то, что остаётся, когда всё остальное уходит. Я — память всех миров, которые были, не сумев удержаться, рассыпались в прах. Я — Поле. Просто Поле.

— Это… загробный мир?

Поле рассмеялось. Смеялось всё: трава, небо, воздух, его собственные кости. Смех был древним, усталым и одновременно юным, как первый крик новорождённого.

Загробных миров много. Этот — не из них. Это то, что было до миров и останется после. Это почва, на которой вырастают реальности. Иногда — падают мёртвыми семенами.

Алексей почувствовал, как внутри него что-то отзывается. Не страх. Не радость. Что-то третье, чему не было названия в языке людей.

— Почему я здесь?

Потому что ты умер, но не сумел. Потому что в тебе осталась искра, которую даже смерть не смогла затушить. Потому что Первый оставил здесь семь осколков себя, и один из них ждал именно тебя.

— Кто такой Первый?

Тот, кто устал быть Богом и решил стать ничем. Он разбил себя на семь частей, чтобы мы — те, кто придёт после — могли выбрать: остаться ничем или стать всем заново.

Алексей закрыл глаза. В темноте век перед ним вспыхнули картины: человек (или то, что когда-то было человеком) стоит на краю несуществующего обрыва. В руках — семь сияющих камней. Он кладёт их в траву, и трава принимает их, как мать принимает детей. Потом человек поворачивается и уходит в ничто, и на его лице — облегчение.

Когда Алексей открыл глаза, перед ним лежал камень.

Он был обычным на вид — серый, гладкий, размером с кулак. Но внутри него кружилась крошечная галактика: серебряная пыль складывалась в спираль, в центре которой пуль-

сировал свет, похожий на сердцебиение.

Он не успел решить, брать или не брать. Камень сам прыгнул ему в ладонь, тёплый, живой. В тот же миг трава вокруг вздрогнула, как от боли, и по ней прошла волна — чёрная, маслянистая, будто тень огромного крыла.

Ты взял первый, — сказало Поле, и в голос впервые дрогнул. — Теперь пути назад нет. Ни для тебя. Ни для меня.

Алексей сжал камень. Он был лёгким и невыносимо тяжёлым одновременно. Как вина. Как обещание. Как приговор.

И в этот момент он впервые услышал шёпот не Поля — другой. Холодный. Голодный.

— Отдай… — прошептал кто-то из-под земли. — Это не твоё…

Он поднял голову. Далеко-далеко, почти у горизонта, трава расступилась, и в прорехе стояла фигура. Высокая. Тёмная. С лицом, которое было его собственным, но глаза — пустые, как выжженные провалы.

Фигура подняла руку — точно такую же, как у него, только чёрную, будто вырезанную из ночи.

— Я ждал тебя долго, — сказала фигура голосом, похожим на скрежет ржавого железа по стеклу. — Второй.

Камень в руке Алексейра обжёг огнём.

И Поле задохнулось от страха.

Глава 2. Память, которую нельзя забыть

Камень лежал на ладони, не остывая. Он пульсировал ровно в такт сердцу, будто напоминал: теперь у тебя два сердца, и одно из них не твоё.

Алексейр (он уже начал думать о себе именно так, одним словом, без привычного «Алексей», будто прежнее имя осталось висеть на крюке в гардеробе мёртвого мира) стоял неподвижно. Фигура на горизонте не приближалась и не исчезала. Она просто была, как трещина в небе, через которую подглядывала тьма.

Ты слышишь его? — спросило Поле тихо, почти шёпотом, будто боялось, что тень услышит. — Это Тень-Второго. Она родилась в тот же миг, когда ты взял Первый Осколок. У каждого, кто берёт, рождается Тень. И она всегда голоднее хозяина.

Алексейр сжал кулак. Камень вдавился в кожу, но не причинил боли; наоборот, боль ушла, будто её высосали.

— Что ей нужно?

То же, что и тебе. Всё. Но она хочет взять, не отдавая. Ты будешь отдавать. Это закон.

— А если я откажусь отдавать?

Ты уже начал. Ты отдал имя. Ты больше не Алексей. Ты Алексейр. Слыхал, как оно звучит? Уже не совсем человеческое.

Он прислушался к себе. Да, имя изменилось. Оно стало тяжелее, как будто к буквам прилипла вековая пыль. Алексейр. Словно кто-то взял старое имя, вывернул наизнанку и зашил серебряной нитью.

Он сделал шаг к тени. Трава под ногой вздрогнула, будто хотела удержать.

Не ходи к ней, — быстро сказало Поле. — Пока ты держишь Осколок, она не может подойти ближе, чем на семь тысяч шагов. Это расстояние боли. Семь тысяч шагов — и

она начнёт рвать тебя по кускам. Семь тысяч шагов — и ты начнёшь рвать её. Пока вы в равновесии.

Алексейр остановился.

— Сколько мне идти за остальными шестью?

Долго. И недолго. Поле не измеряет расстояние в шагах. Оно измеряет в цене. Каждый следующий Осколок дороже предыдущего. Первый ты взял просто рукой. Второй потребует крови. Третий — памяти. Четвёртый — имени. Пятый — любви. Шестой — страха. Седьмой…

Поле замолчало, будто само испугалось того, что собиралось сказать.

— Седьмой? — переспросил он.

Седьмой потребует тебя всего. И тогда ты станешь либо новым Первым, либо новым Ничем. Выбор будет только один раз. И выбирать будешь не ты.

Ветер, которого не было, пронёсся по траве. На миг перед глазами встала картина: он сам, но уже старый, седой, с глазами цвета выгоревшего неба, кладёт седьмой Осколок в траву и уходит в ту же пустоту, куда ушёл Первый. И за спи-

ной его уже стоит новый человек, дрожащий, растерянный, с только что оторванным от смерти сердцем.

Он мотнул головой, прогоняя видение.

— Покажи мне дорогу, — сказал он Поле.

Дорогу покажет Осколок. Он уже начал. Чувствуешь?

И правда — камень в руке потянул. Не сильно, но настойчиво, как компас, который знает, где север, потому что сам когда-то был северной звездой.

Алексейр пошёл.

Трава расступалась перед ним, образуя узкий коридор шириной в два шага. Стенки коридора были выше человеческого роста и шевелились, будто дышали. По ним пробегали тени — не его тень, чужие. Иногда он успевал разглядеть лица: женщина с пустыми глазницами, ребёнок с руками, обвитыми колючей проволокой, старик, у которого вместо рта была дыра, полная звёзд. Они смотрели на него и шептали что-то беззвучное. Он понимал каждое слово.

«Не отдавай…», «Остановись…», «Мы тоже шли…»

Он шёл, не оглядываясь. Камень грел ладонь всё сильнее, пока не стало больно. Тогда он переложил его за пазуху, прямо к груди. И там, где Осколок коснулся кожи, вспыхнула метка — тонкая серебряная спираль, вращающаяся против часовой стрелки. Она жгла. Но боль была странной: очищающей, как будто выжигала из него всё лишнее.

Через сколько-то времени (часов? дней?) коридор закончился. Трава расступилась, и он вышел на круглую поляну, идеально круглую, словно кто-то вырезал её гигантским ножом. В центре поляны стояла женщина.

Она была босая, в длинном платье цвета закатного неба, выцветшего до пепельного. Волосы — живой огонь, но не жгучий, а холодный, синий. Глаза — два озера, в которых отражалось не небо, а то, что было до неба.

Она смотрела на него и улыбалась. Улыбка была печальной и одновременно торжествующей.

— Ты пришёл быстрее, чем я думала, — сказала она. Голос был настоящим голосом — не в голове, а в воздухе, чистый, как первый снег.

— Кто ты?

— Я — Лирэя. Когда-то я была живой. Потом стала памятью. Потом — дорогой. Сейчас я — предупреждение.

Она сделала шаг к нему. Трава под её ногами не приминалась — она расцветала. Каждый след превращался в цветок, которого он никогда не видел: шесть лепестков чёрного стекла и сердцевина из живого пламени.

— Ты держишь Первый Осколок, — продолжала она. — Он самый лёгкий. И самый тяжёлый. Потому что с него начинается всё. Я держала его триста семь лет назад. По вашему счёту. По счёту Поля — одно мгновение.

— Что с тобой стало?

— Я дошла до шестого. И отказалась отдавать страх. Потому что поняла: если отдам страх — перестану быть собой. А быть собой оказалось дороже, чем стать Богом.

Она подняла руку. На ладони лежала тонкая серебряная нить — точь-в-точь такая же, какая теперь пульсировала у него под кожей.

— Это цена, — сказала она. — Каждый Осколок вытягивает нить из тебя. Когда вытянет последнюю — ты свободен. Или мёртв. Разница исчезает.

— А ты?

— Я осталась здесь. Стала дорогой. Теперь все, кто идёт за Первым, проходят через меня. Кто-то слушает. Кто-то нет. Ты слушаешь?

Алексейр молчал. Камень под рубашкой обжигал всё сильнее.

— Я слушаю, — сказал он наконец.

— Тогда запомни три вещи.

Первое. Тень будет предлагать лёгкий путь. Не верь. Лёгкого пути нет — есть только тот, который ты сам себе проложишь, платя по счёту.

Второе. Каждый Осколок откроет тебе одну дверь в тебе самом. Не все двери стоит открывать. Некоторые ведут в комнаты, из которых ты уже не выйдешь прежним.

Третье… — она подошла совсем близко. Он почувствовал запах — озона, старых книг и далёкого моря. — Третье: когда дойдёшь до седьмого, вспомни меня. И спроси себя: хочешь ли ты стать новым Первым — или хочешь, чтобы кто-

то другой когда-нибудь стоял на твоём месте и спрашивал то же самое.

Она коснулась его щеки. Пальцы были холодные, как лунный свет.

— Прощай, Алексейр. И прости.

— За что прощать?

— За то, что я не смогла дойти до конца. И за то, что ты, возможно, сможешь.

Она отступила. И в тот же миг начала рассыпаться — не как человек, а как статуя из песка, которую обдул ветер. Осталась только горсть пепла и тонкая серебряная нить, упавшая к его ногам.

Он нагнулся и взял нить. Она была тёплой. И живой.

Когда он выпрямился, поляна уже исчезла. Он снова стоял посреди бесконечного поля, но теперь перед ним лежала тропа — узкая, серебряная, светящаяся. Она уходила вперёд и исчезала в дымке, за которой угадывалось что-то огромное, живое и очень старое.

Камень в груди забился чаще.

Тень на горизонте подняла голову и завыла — тонко, протяжно, как волк, которому вырвали сердце.

Алексейр шагнул на тропу.

И Поле, впервые за всё время, вздохнуло с облегчением и страхом одновременно.

Глава 3. Семь тысяч шагов боли

Тропа была тоньше волоса и прочнее стали.

Она светилась мягким серебром, не отбрасывая теней, и вела вперёд так уверенно, будто знала, что он всё равно пойдёт. Алексейр ступил на неё, и в тот же миг мир вокруг изменился.

Поле отступило. Не исчезло — просто отодвинулось на расстояние вытянутой руки, стало стеной из высокой травы, шепчущей, вздыхающей, иногда протягивающей стебли, словно хотела удержать. Но тропа не позволяла. Любой стебель, коснувшийся серебряной линии, вспыхивал синим пламенем и рассыпался пеплом, который тут же всасывался обратно в землю.

Семь тысяч шагов, напомнил он себе слова Поля. Семь тысяч шагов до границы, где Тень сможет дотянуться.

Он пошёл.

С каждым шагом камень у груди бился сильнее, будто отсчитывал не время, а цену. На сотом шаге он почувствовал первое изменение: воздух стал плотнее, как будто в нём растворили расплавленное стекло. Дышать стало тяжелее, но не невозможно — просто каждый вдох теперь требовал усилий воли.

На пятисотом шаге тропа начала подниматься. Не в гору — Поле по-прежнему было плоским, — а вверх по невидимой лестнице. Ноги отрывались от земли на толщину ладони и опускались обратно, но каждый раз выше прежнего уровня. Он шёл по воздуху, не падая, поддерживаемый только тонкой серебряной нитью под подошвами.

На тысяче он впервые услышал голос Тени прямо в голове.

Отдай, прошептал тот же скрежещущий голос. Отдай, и я отпущу тебя назад. Ты сможешь жить. Настоящей жизнью. С запахом бензина, с тёплым телом женщины по имени…

(Тень назвала имя, настоящее, забытое им в тот миг, когда он стал Алексейром). С её смехом по утрам. С её руками. Отдай.

Он не ответил. Только сжал кулак вокруг Осколка так сильно, что кожа на ладони лопнула, и кровь потекла по запястью и тут же впиталась в тропу. Серебро под ногами вспыхнуло ярче, и голос Тени взвыл от боли.

На две тысячи шагов тропа стала зеркалом. Под ногами отражалось не небо, а бездонная пропасть, полная звёзд. В этой пропасти плавали лица — тысячи, миллионы. Все, кто когда-то шёл этой дорогой. Некоторые кричали беззвучно, некоторые улыбались, некоторые просто смотрели. Он увидел Лирэю — она висела вниз головой, волосы её горели синим, и она шептала: «Не смотри вниз».

Он посмотрел.

И увидел себя. Того, прежнего. Лежащего в разбитой машине. Глаза открыты, кровь на губах. Рядом — женщина, которую звала Тень. Она держала его руку и плакала. Он увидел, как её губы шевелятся: «Не уходи… пожалуйста…»

Боль ударила так сильно, что он упал на колени прямо на зеркальную тропу. Осколок в груди вспыхнул белым огнём,

и видение разбилось, как стекло. Осколки звёзд посыпались вниз, в бездну, и каждое лицо, в которое попал осколок, исчезало с тихим вздохом облегчения.

Тень засмеялась.

Видишь? Она всё ещё ждёт. Она всегда будет ждать. Отдай мне Осколок, и я верну тебя к ней. Живым. Целым. С запахом её волос и вкусом её слёз.

Алексейр поднялся. Губы его были в крови — он сам не заметил, как прикусил их до мяса.

— Нет, — сказал он вслух.

Тень взвыла снова, но уже тише.

На три тысячи шагов тропа стала песком. Мелким, горячим, как в пустыне, где никогда не бывает ночи. Песок набивался в обувь, скрипел на зубах, лез в глаза. Каждый шаг оставлял кровавый след — подошвы стёрлись до мяса, но раны тут же затягивались серебряной коркой.

На четыре тысячи он начал петь.

Он не знал, откуда взялась мелодия. Просто открыл рот,

и из горла вырвался звук — низкий, протяжный, похожий на гудение земли. Тропа отозвалась. Песок под ногами стал твёрдым, как камень, и пошёл вверх спиралью, образуя винтовую лестницу в никуда.

Он поднимался, и с каждым витком мир вокруг менялся. Цвета травы за пределами тропы становились всё гуще, ярче, пока не начали светиться сами по себе. Воздух наполнился запахами, которых он никогда не знал: запах дождя на Марсе, запах первого крика дракона, запах слёз ангела.

На пять тысяч шагов он перестал быть один.

Рядом с ним шла Лирэя.

Не призрак, не видение — настоящая. Он чувствовал тепло её руки, когда она взяла его под локоть. Она была выше, чем казалась на поляне, и в глазах её теперь не было печали — только стальная решимость.

— Я не смогла дойти, — сказала она тихо. — Но могу пройти с тобой немного. До шести тысяч. Дальше моя нить кончается.

— Почему ты здесь?

— Потому что ты отдал кровь. А я — кровь Поля. Мы теперь связаны. На время.

Она шла рядом, босая, и песок-стекло-воздух под её ногами расцветал теми же чёрными цветами с огненными сердцевинами.

— Расскажи мне о Втором Осколке, — попросил он.

— Второй называется Кровь-Вопрос, — ответила она. — Он спрятан в сердце Мёртвого Города, который Поле вырастило из костей тех, кто не дошёл. Город стоит на семи холмах, и каждый холм — это чья-то неоплаченная цена. Чтобы взять Осколок, нужно ответить на вопрос, который задаёт сам город. Вопрос всегда один и тот же, но ответ у каждого свой.

— Какой вопрос?

Она остановилась. Посмотрела ему прямо в глаза.

— «Кто ты без того, что ты отдал?»

Он молчал.

— Я не нашла ответа, — продолжала она. — Поэтому

осталась дорогой. Ты найдёшь?

— Не знаю.

— Тогда ты умрёшь там. Или станешь частью города. Как я стала частью тропы.

Они дошли до шести тысяч шагов. Лирэя остановилась. Её рука начала растворяться — сначала пальцы, потом кисть.

— Дальше сам, — сказала она. — И помни: Тень будет ближе с каждым шагом. На семь тысяч она сможет коснуться тебя. Не дай ей.

Она исчезла. Остался только запах озона и далёкого моря.

Он пошёл дальше один.

На шесть с половиной тысяч тропа стала кровью.

Не метафорой — настоящей, тёплой, липкой. Она текла под ногами, поднималась по щиколотку, по колено. Он шёл по крови, и кровь шептала имена. Тысячи имён. Иногда — своё собственное, прежнее.

На шесть тысяч восемьсот он услышал шаги позади.

Тяжёлые. Мокрые.

Тень шла следом. Уже не на горизонте — в десяти шагах. В пяти. В трёх.

Он не оборачивался.

На шесть тысяч девятьсот девярд девяносто девять Тень протянула руку и коснулась его плеча.

Пальцы были ледяные и чёрные, как обсидиан.

— Последний шанс, — прошептала она его же голосом, но искажённым, будто из-под воды. — Отдай.

Он повернулся.

Тень стояла перед ним — точная копия, только вывернутая наизнанку: кожа чёрная, глаза белые, рот зашит серебряной нитью, из которой капала кровь.

— Ты — это я без цены, — сказала Тень. — Я — свободен. Отдай Осколок, и мы сольёмся. Ты перестанешь платить.

Алексейр посмотрел ей в глаза.

— Нет, — сказал он. — Я хочу узнать, кто я, когда заплачу всё.

Он сделал последний шаг.

Седьмая тысяча.

Тень взвыла и бросилась на него, но в тот же миг тропа вспыхнула белым огнём. Тень отшвырнуло назад, как тряпичную куклу, и она покатилась по крови, оставляя чёрный след.

Перед Алексейром выросли ворота.

Высокие, костяные, сплетённые из рёбер каких-то немыслимых существ. На них было вырезано одно слово, светящееся багровым:

КТО ТЫ?

Он положил ладонь на ворота распахнулись.

За ними лежал Мёртвый Город.

Семь холмов. Семь башен из костей. И в центре — огромное сердце, бьющееся медленно, как умирающий бог.

Осколок был там.

И вопрос уже звучал в голове, громче грома:

КТО ТЫ БЕЗ ТОГО, ЧТО ТЫ ОТДАЛ?

Алексейр шагнул за ворота.

И ворота закрылись за ним с мягким, окончательным стуком.

Глава 4. Мёртвый Город, который дышит

Город встретил его тишиной, но не мёртвой. Тишина была живой, внимательной, как зверь перед прыжком.

Алексейр стоял на широкой площади, вымощенной костяными плитами, которые под ногами слабо пульсировали — будто под ними текла кровь. Вокруг поднимались дома, сложенные из черепов, рёбер, позвонков. Окна были пустыми глазницами, двери — раскрытыми пастями. Ни одного прямого угла: всё изгибалось, текло, как будто город когда-то был огромным существом, которое свернулось клубком и

окаменело.

Воздух пах железом, ладаном и чем-то сладко-гнилостным, как разлагающиеся цветы.

В центре площади возвышалось сердце.

Огромное. Высотой с трёхэтажный дом. Оно висело в воздухе без всякой опоры, медленно вращаясь. Кожа его была полупрозрачной, и внутри просвечивали вены, по которым текла не кровь, а свет — серебристый, как у Осколка в его груди. Каждое биение отдавало в костях, как удар колокола, который звонит внутри тебя самого.

ВОПРОС уже не звучал — он висел в воздухе, выжженный огнём на внутренней стороне черепа:

КТО ТЫ БЕЗ ТОГО, ЧТО ТЫ ОТДАЛ?

Алексейр сделал шаг. Плита под ногой хрустнула, и из трещины вытекла струйка тёплой крови. Она потекла к его ботинку, обняла его, как старая знакомая, и впиталась в кожу. Ботинок стал тяжелее. Он понял: город пьёт. Медленно, но неотвратимо.

— Я пришёл за Вторым Осколком, — сказал он вслух.

Сердце ответило биением — сильнее обычного. Из него вырвалась волна света, и на площади появились тени.

Сотни. Тысячи.

Все, кто когда-то входил в эти ворота и не смог ответить.

Они стояли неподвижно: мужчины, женщины, дети, старики, существа, которых он не мог опознать. У всех глаза были закрыты, а на груди — рана в форме спирали, точно такая же, как у него. Из ран сочилась серебряная пыль.

Один из них — высокий мужчина с лицом, наполовину стёртым временем — открыл глаза. Они были цвета выгоревшей фотографии.

— Ты тоже не ответишь, — сказал он голосом, похожим на шорох сухих листьев. — Никто не ответил. Вопрос не для ответа. Вопрос — чтобы разорвать.

— Тогда зачем вы здесь? — спросил Алексейр.

— Мы — цена, — ответил мужчина. — Мы отдали всё, кроме ответа. Поэтому остались. Город не отпускает тех, кто не заплатил до конца.

Он поднял руку, и все тени подняли руки одновременно. Ладони были пустыми — кожа содрана, кости голые.

— Докажи, что ты другой, — сказали они хором. — Или стань нами.

Сердце забилось чаще. Из него начала вытягиваться нить — тонкая, кроваво-красная. Она потянулась к Алексейру, коснулась его груди и вошла точно в центр спирали. Боль была такой, что он упал на колени.

В этот момент город заговорил его собственным голосом:

— Назови своё имя.

— Алексейр.

— Неправда. Это имя, которое ты взял, когда отдал старое. Назови то, которое было до.

Он открыл рот — и не смог. Имя было где-то внутри, но закрыто, как в сундуке, ключ от которого он сам проглотил и забыл.

— Не помню, — выдохнул он.

— Тогда отдай ещё.

Нить в груди натянулась сильнее. Он почувствовал, как из него вытягивают что-то тёплое, живое. Воспоминание. Не одно — целую связку. Запах маминых пирогов. Первый поцелуй в подъезде. Как он плакал, когда умерла собака. Всё это вытягивалось, превращалось в красную пыль и оседало на костяных плитах.

Он закричал.

И в этот момент из сердца вылетел Второй Осколок.

Он был не камнем. Это был кристалл крови — продолговатый, острый, размером с кинжал. Он висел в воздухе перед Алексейром, вращаясь, и капал живой кровью, которая не падала на землю, а висела каплями, образуя вокруг него сферу.

Чтобы взять его, нужно было ответить.

Алексейр поднялся на колени. Кровь текла изо рта — он прикусил язык, сам того не заметив.

— Я знаю, кто я, — сказал он хрипло.

Тени замерли.

— Я — тот, кто идёт дальше.

Он протянул руку и схватил Осколок.

Боль была такой, что мир исчез.

Он провалился в темноту, где не было ни верха, ни низа. Только голос — его собственный, но старше, мудрее, страшнее:

Ты отдал воспоминания о любви.
Теперь ты свободен любить — и никогда не будешь любим в ответ.
Это цена Второго.

Он закричал снова — но крик остался там, в темноте.

Когда он пришёл в себя, он лежал на площади один.

Тени исчезли. Сердце в центре висело неподвижным, уже не билось. В груди у него бились два сердца: первое — человеческое, второе — кровавый кристалл, вплавленный прямо в плоть. Он чувствовал, как тот пульсирует, перекачивая в

него силу — и одновременно вытягивая что-то невидимое.

На костяной плите перед ним появилась надпись, выжженная его же кровью:

ТЫ ОТВЕТИЛ.
ТЕПЕРЬ ТЫ — ВТОРОЙ.
ИДИ ДАЛЬШЕ.
ТРЕТИЙ ЖДЁТ ТАМ, ГДЕ ПАМЯТЬ СТАНОВИТСЯ ЯДОМ.

Ворота города открылись сами.

За ними — снова поле. Но уже другое. Трава была чёрной, как пепел, и по ней текли реки серебряного света.

Тень стояла у самого порога. Теперь она была ближе — в двух шагах. Лицо её исказилось от ярости.

— Ты заплатил, — прошипела она. — Но цена только растёт. Скоро ты отдашь всё. И тогда я заберу остатки.

Алексейр посмотрел на неё.

В глазах его не было ни страха, ни жалости.

— Подожди своей очереди, — сказал он спокойно.

И шагнул за ворота.

Город за спиной начал рушиться — медленно, красиво, как карточный домик из костей. Кости падали без звука, превращались в пыль, и пыль всасывалась в землю. Через несколько мгновений от Мёртвого Города не осталось ничего, кроме идеально круглого пятна выжженной земли.

Тень осталась снаружи. Она не могла войти туда, где больше не было цены.

Алексейр пошёл дальше.

Теперь в нём билось два сердца.

И оба знали: следующая цена будет выше.

Гораздо выше.

Глава 5. Пепельная река и девочка без тени

Поле после Мёртвого Города стало другим: чёрным, как сожжённая бумага, и горячим, будто под тонким слоем пепла ещё тлели угли. Трава здесь не росла, только редкие стеб-

ли, похожие на обугленные кости, торчали из земли и тихо потрескивали, выпуская искры.

По чёрной равнине текла река. Не воды, не крови, а жидкого серебра, медленная, вязкая, светящаяся изнутри. Она шипела, когда капли падали на пепел, и оставляла за собой тонкие стеклянные дорожки, которые тут же трескались и рассыпались.

Второй Осколок в груди бил тревогу: быстро-быстро, как птица, попавшая в клетку. Он тянул вперёд, к реке, но одновременно предупреждал: не всё так просто.

Алексейр остановился у самого берега. Серебро пахло озоном и старым железом. В глубине реки что-то двигалось: огромные тени, похожие на китов, но вместо глаз у них были человеческие лица. Они смотрели вверх и шептали беззвучно.

Он уже поднял ногу, чтобы шагнуть, когда услышал голос. Детский. Чистый, как колокольчик в пустыне.

— Не ходи туда голым. Она съест.

Он обернулся.

На обугленном стебле, в трёх шагах от него, сидела девочка лет восьми. Белое платьице, когда-то чистое, теперь в саже и крови. Босые ноги болтались в воздухе. Волосы — пепельно-серые, до пояса. Глаза — два уголька, в которых ещё теплился свет.

Но самое странное: у неё не было тени. Совсем. Даже слабого намёка.

— Кто ты? — спросил он.

— Меня зовут Ника. А тебя теперь Алексейр, да? Я слышала, как Тень кричала.

Она спрыгнула со стебля и подошла ближе. Движения были лёгкими, почти невесомыми.

— Река называется Лета-Обратная. Если войти без платы, она выпьет все воспоминания, какие у тебя остались. Даже те, что ты ещё не отдал.

— А ты как здесь оказалась?

— Я не отдала имя. На третьем Осколке. Решила, что лучше останусь никем, чем отдам последнее слово, которым меня звала мама.

Она подняла руку и показала ладонь: на ней было выжжено слово «НИКА», но буквы медленно исчезали, как песок

сквозь пальцы.

— Скоро исчезну совсем. Но пока могу помочь. За плату.

— Какую?

— Одно воспоминание. Самое вкусное. У тебя их ещё немного осталось, я чувствую.

Алексейр посмотрел на реку. Тени-киты подплыли ближе, лица их исказились в предвкушении.

— Какое именно?

— То, где ты был счастлив по-настоящему. Не просто радовался, а именно счастлив. Когда сердце останавливалось, потому что больше не выдерживало.

Он знал, какое. Лето, старый деревянный дом у реки, он — двенадцатилетний, мама смеётся, отец подбрасывает его в воздух, солнце светит сквозь листву, пахнет смолой и свежим хлебом. В тот день он впервые понял, что мир может быть добрым.

— Согласен, — сказал он.

Ника подошла вплотную, встала на цыпочки и поцеловала

его в щёку. Поцелуй был холодным, как лёд. В тот же миг воспоминание вырвали из него — не больно, а сладко, как выпивают последний глоток вина.

Он пошатнулся. В груди стало пусто, будто вынули ещё один кусок.

Девочка отступила. Глаза её теперь светились ярче.

— Спасибо. Давно не пробовала счастья.

Она хлопнула в ладоши. Из пепла поднялась лодка — тонкая, из чёрного стекла, без вёсел.

— Садись. Я перевезу. Это теперь моя работа — перевозить тех, кто готов платить.

Он сел. Лодка скользнула по серебру бесшумно. Тени-киты следовали рядом, но не могли дотянуться: вокруг лодки возник купол из света — того самого, который он только что отдал.

— Почему ты помогаешь? — спросил он.

— Потому что ненавижу Тень. Она хотела забрать у меня последнее слово. А ты идёшь дальше. Если дойдёшь до седьмого — сможешь её убить. Навсегда. И тогда все мы, кто застрял, получим покой.

Лодка причалила к противоположному берегу. Там пепел был глубже — по колено, и в нём виднелись кости, светящиеся слабым светом.

Ника осталась в лодке.

— Дальше я не могу. Моя нить кончается здесь.

Она помахала рукой. Платье её начало рассыпаться, как старый пепел.

— И ещё, Алексейр… Когда дойдёшь до Третьего, не верь зеркалу. Оно покажет тебе то, что ты больше всего хочешь увидеть. И это будет ложь.

Она исчезла. Лодка растаяла. Осталась только горсть пепла, который ветер унёс в сторону реки.

Алексейр пошёл дальше.

Через час (или день) пепел начал редеть. Под ним показалась земля — красная, как ржавчина. Впереди возвышалась гора. Не высокая, но странная: вся в зеркальных гранях, как гигантский кристалл, выросший из земли. Каждая грань отражала небо, поле, его самого — но в отражениях он был разным: в одном старый, в другом ребёнок, в третьем — мёртвый.

Второй Осколок в груди забился в панике.

Третий ждал на вершине.

И тут он услышал голос, которого боялся больше всего.

— Алексейр…

Голос был женский. Тёплый. Родной.

Он замер.

Из-за зеркальной грани вышла она.

Та самая. Из прежней жизни. Живая. В том самом платье, которое он любил. Глаза полные слёз и улыбки одновременно.

— Я ждала тебя, — сказала она. — Я знала, что ты вернёшься.

Второй Осколок обжёг грудь так сильно, что он упал на колени.

Это была не Тень.

Это было хуже.

Это было то, что он отдал, но всё ещё помнил.

Глава 6. Зеркало, которое лжёт правду

Она стояла в трёх шагах, и каждый шаг был ножом.

Её звали Анна.
Он не произносил это имя вслух уже целую вечность, но оно всё ещё жило в нём, как пуля, которую не вытащили.

Она была точь-в-точь такой, какой он помнил в последний вечер: волосы чуть влажные после душа, лёгкое летнее платье в мелкий цветочек, босая, с крошечной родинкой над верхней губой. Даже запах — клубника и тёплое молоко — тот же.

— Ты пришёл, — сказала она, и голос дрогнул именно так, как дрожал, когда она врала, что всё будет хорошо. — Я знала. Я всё время знала.

Алексейр не мог пошевелиться. Второй Осколок в груди бился в истерике, пытаясь вырваться, но он будто окаменел.

Анна сделала шаг. Земля под её ногами не оставляла следов.

— Посмотри на меня, — мягко попросила она. — Я настоящая.

Он посмотрел.

И увидел: за её спиной нет тени.
Как у Ники.

— Ты умерла в той машине вместе со мной, — выдавил он.

— Нет, — она покачала головой, и прядь упала на глаза точно так же, как раньше. — Ты ушёл. А я осталась ждать. Поле дало мне шанс. Сказало: если ты дойдёшь до Третьего Зеркала и выберешь меня — я вернусь. Навсегда. Мы будем вместе. Как обещали.

Она протянула руку. Ладонь была тёплой. Он почувствовал это, хотя до неё оставалось ещё два метра.

В горле стоял ком.

— Это ложь, — сказал он, но голос сорвался.

— Проверь.

Она шагнула ещё ближе. Теперь он видел: в её зрачках отражается не он, а пустота. Чёрная, как выжженное поле.

Второй Осколок вспыхнул так ярко, что грудь обожгло настоящим огнём. На коже проступила кровь.

Анна улыбнулась — и улыбка была идеальной копией той, которой она прощалась утром перед работой.

— Возьми меня за руку, и всё кончится. Больше не будет цены. Не будет Тени. Не будет Осколков. Только мы. Домой вернёмся. У нас будет ребёнок, помнишь? Мы хотели девочку. Назовём её Лада.

Каждое слово било точно в солнечное сплетение.

Он сделал шаг к ней. Ещё один.

И вдруг услышал голос Ники — слабый, далёкий, будто из-под земли:

Не верь зеркалу. Оно покажет то, что ты больше всего хочешь увидеть. И это будет ложь.

Анна нахмурилась — едва заметно, но он заметил.

— В чём дело, любимый? — спросила она, и в голосе впервые проскользнула чужая нотка. Металлическая.

Он остановился.

— Если ты настоящая, — сказал он медленно, — назови, что было в тот вечер на столе, когда я пришёл с работы последним.

Она моргнула. Улыбка не дрогнула.

— Борщ. Ты любил мой борщ.

— Нет. Был холодный окрошечный суп. Ты сказала: «Жарко, пусть лёгкое». И поставила передо мной тарелку с петрушкой, которую я ненавижу. Но съел, потому что ты старалась.

Улыбка Анны застыла. Глаза на миг стали зеркальными — абсолютно гладкими, без зрачков.

— Мелочи, — прошептала она, но голос уже был не её. Он был многими голосами сразу. — Это неважно.

— Для меня важно.

Он отступил на шаг.

Зеркальная гора за её спиной вздрогнула. Грани задрожали, как ртуть.

Анна начала меняться.

Сначала медленно: кожа побледнела, стала прозрачной, сквозь неё проступили серебряные вены. Потом быстрее — платье истлело, волосы поседели и осыпались пеплом. Лицо растянулось, глаза втянулись, рот растянулся в беззубую улыбку шириной до ушей.

— Ты отказываешься от меня? — прошипело существо тысячей голосов. — От самого дорогого?

— Я отказываюсь от лжи, — сказал он.

И в этот момент Второй Осколок вырвался наружу — не физически, а светом. Кроваво-красный луч ударил в зеркальную гору, и вся она раскололась с оглушительным звоном.

Осколки посыпались дождём, но не падали — зависли в воздухе, образуя огромный круг. В центре круга открылся проём, за которым клубилась тьма, густая, как смола.

Из тьмы вышла настоящая Анна.

Не живая. Не мёртвая.
Просто — она.

Прозрачная, как дым, но с глазами, полными слёз.

— Прости меня, — сказала она настоящим голосом, тихим и родным. — Я не смогла уйти. Поле держало меня как приманку. Я не хотела… но не могла сопротивляться.

— Я знаю, — ответил он. Голос дрожал.

— Ты должен взять Третий Осколок. И отпустить меня. Совсем. Иначе я буду появляться снова и снова. Пока ты не сломаешься.

Она подошла вплотную. Он почувствовал холод её призрачного прикосновения к щеке.

— Я люблю тебя, — сказала она. — И именно поэтому прошу: убей меня окончательно. Чтобы я не стала твоей сла-

бостью.

Он не смог ответить. Только кивнул.

Анна улыбнулась — настоящей улыбкой, какой он не видел с той ночи.

— Прощай, мой Алексейр.

Она поцеловала его в губы — холодно, нежно, навсегда.

И рассыпалась серебряной пылью, которая втянулась в проём.

Проём расширился. За ним — лестница вниз, вырезанная из чёрного стекла. На каждой ступени — зеркало. В зеркалах — он сам. В разных возрастах. В разных смертях. В разных жизнях, которых никогда не было.

Он начал спускаться.

С каждым шагом зеркала показывали всё более страшное:

- он, сдающий Осколки Тени и возвращающийся домой пустым;
- он, становящийся новым Первым и уничтожающий По-

ле;

- он, убивающий себя на седьмом шаге, чтобы никто никогда больше не страдал.

На последней ступени зеркало было пустым.

Он встал перед ним.

И зеркало заговорило его голосом:

— Чтобы взять Третий Осколок, ты должен отдать воспоминание о ней. Совсем. Навсегда. Имя. Лицо. Голос. Даже то, что ты сейчас чувствуешь. Всё.

Он молчал.

— Или уйди. Оставь Осколки. Вернись назад. Живи тем, что осталось.

Он поднял руку и коснулся зеркала.

— Я и так уже отдал больше, чем имел, — сказал он. — Забирай.

Боль была такой, что он потерял сознание на долю секунды.

Когда пришёл в себя — в руке лежал Третий Осколок.

Он был зеркальным. Плоский, холодный, с трещиной посередине. В трещине отражалось его лицо — но уже без глаз. Пустые провалы.

Он теперь не помнил, как её звали.
Не помнил, как она смеялась.
Только пустота и слабое тепло где-то в груди, как от давно потухшего костра.

Лестница исчезла. Он стоял на вершине горы, теперь уже целой, но чёрной, как обсидиан.

Тень стояла внизу. Уже не копия. Уже почти он сам — только чёрный, с белыми глазами и улыбкой до ушей.

— Три из семи, — прошептала она. — Ещё четыре — и я стану тобой. А ты — мной.

Алексейр посмотрел на неё сверху вниз.

— Поднимайся, — сказал он спокойно. — Я жду.

И впервые Тень отступила на шаг.

Он пошёл дальше.

В груди теперь бились три сердца.

И ни одно из них не помнило, зачем когда-то любило.

Глава 7. Песнь, которую нельзя забыть

После зеркальной горы Поле перестало притворяться добрым.

Трава исчезла совсем. Осталась только голая земля, твёрдая, как кость, и покрытая тонкой коркой соли. По ней шли трещины, из которых поднимался пар — горячий, пахнущий серой и старым железом. Небо над головой стало низким, свинцовым, и в нём медленно вращалось одно-единственное облако в форме человеческого сердца. Оно кровоточило. Капли падали редко, но каждая, коснувшись земли, прожигала в ней круглую дыру глубиной в рост человека.

Третий Осколок — зеркальный, с пустыми глазницами внутри трещины — лежал в ладони холодный и тяжёлый. Он больше не пульсировал. Он молчал. Как будто обиделся.

Алексейр шёл уже давно, когда услышал пение.

Сначала подумал, что ему кажется. Потом понял: нет. Голос был настоящий, женский, высокий, чистый, как хрусталь, и одновременно древний, будто звучал ещё до того, как появились уши, чтобы его слышать.

Песня не имела слов. Только мелодия — бесконечная, повторяющаяся, но каждый раз чуть-чуть другая, как дыхание. Она проникала под кожу, в кости, в саму суть, и там что-то трогала — то, что он считал давно мёртвым.

Он пошёл на звук.

Через несколько часов (или мгновений — время здесь окончательно сошло с ума) он вышел к озеру.

Озеро было круглым, идеально круглым, и заполнено не водой, а звуком. Поверхность его дрожала, переливалась, как ртуть, и каждая волна была нотой. В центре озера стояла женщина.

Она пела.

Длинные волосы — цвета расплавленного золота с прожилками чёрного — струились по воде, не намокая. Кожа светилась изнутри, как лунный камень. Глаза закрыты. Руки

разведены в стороны, ладони вверх. На ладонях лежали два светящихся шара — один белый, другой чёрный.

Она была прекрасна так, что смотреть больно.

Алексейр остановился у самого берега. Песня усилилась, и он почувствовал, как Третий Осколок в руке задрожал, отзываясь.

— Кто ты? — спросил он.

Женщина открыла глаза. Они были без зрачков — сплошной свет.

— Я — Сайлена Последняя. Хранительница Четвёртого Осколка.

Голос звучал одновременно в ушах и прямо в голове, как эхо собственной мысли.

— А ты — тот, кто дошёл до Песни Без Слов. Мало кто доходил.

— Что это за место?

— Озеро Забытых Голосов. Здесь хранятся все песни, которые когда-либо пели миры, прежде чем умереть. Я пою их, чтобы они не исчезли совсем. Если я замолчу — Поле забу-

дет, как звучит жизнь.

Она сделала шаг по поверхности озера. Вода-звука под ногами завибрировала, и в воздухе родилась новая нота — такая чистая, что у Алексейра перехватило горло.

— Четвёртый Осколок называется Голос-Вечность, — продолжала она. — Он даёт силу создавать и разрушать миры одним словом. Но чтобы взять его, нужно отдать свой голос. Навсегда.

— Совсем?

— Совсем. Ты больше никогда не произнесёшь ни слова. Ни крика. Ни шёпота. Ни имени любимого человека — даже если вдруг вспомнишь, как его звали.

Он посмотрел на неё.

— А ты?

— Я отдала. Давно. Три тысячи лет назад. С тех пор я пою без слов. И буду петь, пока кто-то не возьмёт Осколок и не решит, что делать дальше — спеть новую вселенную или заткнуть рот навсегда.

Она подняла руки. Шары света на ладонях слились в один — золотой, пульсирующий. Внутри него кружилась крошечная вселенная: звёзды рождались и умирали за секунды.

— Подойди, — сказала она. — Или уходи. Выбор за тобой.

Алексейр шагнул на озеро.

Поверхность приняла его, как твёрдую землю. Каждый шаг рождал новую ноту, вплетаясь в её песню. Он шёл, и мелодия становилась всё сложнее, всё красивее, пока не начала разрывать его изнутри.

Когда он дошёл до центра, Сайлена замолчала.

Тишина была оглушительной.

— Последний шанс, — сказала она уже без песни, обычным голосом, тихим и усталым. — Ты ещё можешь уйти. Найдёшь другой путь. Есть те, кто дошёл до седьмого, не взяв Четвёртый. Они стали молчаливыми богами. Холодными. Но живыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.